

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра романской филологии

Енюков Александр Юрьевич

**ПЕРЕВОД БИБЛЕИЗМОВ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени бакалавра
лингвистики

Научный руководитель: канд. филол. наук, ст.преподаватель,
Смирнова Алла Николаевна

Рецензент: канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Миретина Мария Сергеевна

Санкт-Петербург,
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДА БИБЛЕИЗМОВ.....	8
1.Определение понятия «библейзм» в современной лингвистике.....	5
2.Классификации библейзмов	10
3. Стратегия Основные трудности в переводе библейзмов.....	15
4.Основные положения теории интертекстуальности библейского текста.....	21
5. Функции библейзмов внутри художественного текста.....	23
Выводы по главе I	26
ГЛАВА II. ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ БИБЛЕИЗМОВ В ТЕКСТЕ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ.....	27
1. Переводческие стратегии перевода библейзмов.....	27
2.Анализ перевода библейзмов, представленных в романе «Преступление и наказание».....	29
Выводы по главе II	47
Заключение	49
Список использованной литературы.....	50

ВВЕДЕНИЕ.

По мнению Д.С.Лихачева, вечными в приложении к историческому времени следует считать непреходящие духовные ценности, относящиеся к сфере религии и культуры. Для русского сознания эти ценности связаны прежде всего с Библией, которая уже много веков является объектом исследования множества гуманитарных дисциплин. Она даже явилась причиной образования отдельной дисциплины - библеистики. Книгу книг не обошли стороной и многочисленные исследователи лингвисты: одним были интересны библейские сюжеты, другим - язык. Разумеется, своим огромным влиянием по всему миру, Библия обязана, помимо прочего, переводчикам. Несмотря на то, что в мире до сих пор есть языки, на которые она не была переведена, Библию можно, как минимум в Европе, смело рассматривать как объект культурного наследия, получивший наибольшее отражение в изобразительном искусстве, в музыке, и, конечно, в литературе. Это более чем логично, ведь творческий потенциал библейских сюжетов и крылатых фраз, а так же метафоричность множества изречений из священного писания, являются неиссякаемым источником вдохновения для творцов. По своему воздействию на общечеловеческую культуру, по мнению Е.М. Верещагина, она бесспорно занимает такое выдающееся, уникальное место, что ни одна другая книга сравниться с нею не может.

Переводоведы многих стран неоднократно исследовали Библию с разных точек зрения. Отечественные и зарубежные исследователи, такие Косидовский, Фрезер, Емельянова, Григорьев, Пеликан в своих работах более детально описывают влияние текста Священного Писания на язык и культуру различных народов. Текст Библии используется для прямого цитирования, используется в виде отдельных элементов, в качестве отсылок, многократно становился основой для притч, полностью изменял эмоциональную окраску речи литературных персонажей. На русский язык Библию уже переводили многократно, и сопоставление переводов помогло в раскрытии множества

вопросов переводоведения. Но перевод Библии – это одно, а перевод фразеологических оборотов, отсылающих к ней – другое. Этот вопрос оказался изучен лишь поверхностно, ведь по сей день нет даже единого определения такого понятия как библеизм, несмотря на то, что на практике почти все исследователи (Кунин, Корнеева, Кочкарева, Иванова и многие другие) примерно представляют, что это сюжеты, цитаты и крылатые выражения библейского происхождения. После окончания советского периода, а вместе с ним и возврата к признанию церкви на государственном уровне, появились предпосылки для возвращения в русский язык серьёзного пласта устойчивых выражений библейского происхождения. Мы не осознаём, что многие фразеологизмы, которые мы часто употребляем в речи, генетически связаны с Библией: камень преткновения, суета сует, хлеб насущный и т.п. За 70 лет отрицания всего религиозного, в нашей стране не образовалась стратегия перевода таких выражений, а, следовательно, и внимания к тому аспекту, при обучении иностранному языку, не уделялось.

Материал для данного исследования был выбран не случайно. Перевод фразеологии, в том числе и библейской, в творчестве Ф.М. Достоевского почти не изучен. Существует несколько работ, посвященных общему анализу фразеологии автора, это статьи Б.К. Щигаревой «К изучению фразеологии произведений Ф.М. Достоевского» (1977), «Индивидуально-авторские ФЕ в ранней прозе Достоевского» (1987) и статья Ю.Ю. Каганера «Вариантность фразеологических единиц в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1991). В.В. Виноградов выдвигал теорию, согласно которой анализ фразеологии помогает проникнуть в структуру "образа автора" – образа, который, по его убеждениям, был "конструктивным элементом одного произведения, цикла произведений и творчества писателя в целом" [Виноградов 1959, С.155]. Было бы странно пытаться предпринять попытку перевода, не учитывая специфику произведения, убеждения автора. Говоря о романе «Преступление и наказание», эта специфика заключается в важности библейских мотивов внутри произведения. По мнению В.С.Ляху

«это общение с древним сакральным текстом предполагало не только усвоение его нравственных уроков, но и приобщение к тому феномену библейского повествования, которому был характерен особый взгляд на мир и человека». Прикасаясь к тексту оригинала, переводчик в первую очередь выступает в роли исследователя, ведь первая задача его лежит в области герменевтики: понять сам текст. По мнению В.Ляхо «исследователь должен проявить особую осторожность, чтобы не модернизировать, не осовременить библейский текст». Поэтому бережное отношение к библейским элементам здесь особо важно, а чем важнее сохранить тот или иной элемент оригинального текста, тем интереснее анализ возможных вариантов его передачи.

Перевод является точкой соприкосновения не только двух языков, но в первую очередь двух культур. И если язык бытового общения достаточно подробно изучен, и в этой сфере уже создано большое количество шаблонов, по которым работают переводчики, то в различных областях художественного перевода, серьёзные лакуны. Сам по себе термин «художественный» подразумевает творческий подход, для которого создание шаблонов куда сложнее, но именно их отсутствие и создаёт тот эффект, который производит на читателя удачное произведение и удачный его перевод.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что выбранная тема является **актуальной** и перспективной для изучения.

Объектом исследования являются переводы с русского языка на французский, реализованные Леоном Бродовикофф (Léon Brodovikoff) и Дусей Эргаз. **Предмет** изучения представляют особенности художественного перевода библеизмов с русского языка на французский.

Приступая к данной теме, мы поставили своей целью отобрать библеизмы, присутствующие в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», отдавая себе отчёт в том, что наша выборка может быть неполной. Библеизмы относятся к средствам художественной

выразительности, и писатели часто употребляют их в различных функциях. Наша **цель** была в том, чтобы проанализировать и сопоставить два варианта перевода романа и рассмотреть насколько, они соответствуют тем или иным требованиям, предъявляемым художественному переводу.

Итак, **цель** работы состоит в рассмотрении переводов библеизмов в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание».

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) Рассмотреть понятие библеизма, его определения и особенности;
- 2) Исследовать существующие классификации библеизмов;
- 3) Рассмотреть существующие стратегии художественного перевода в работе с библеизмами и фразеологическими единицами;
- 4) Сформировать исследовательскую картотеку библеизмов, употребленных в тексте романа.
- 5) Проанализировать способы передачи библеизмов, выбранные обоими переводчиками.

В соответствии с характером поставленных задач нами были использованы следующие **методы исследования**: методы сбора, анализа, синтеза, обобщения и систематизации теоретического материала по теме работы, метод сплошного отбора, метод логико-семантического анализа, метод контекстуального анализа, а также экстралингвистическая интерпретация фактов языка.

Материалом для исследования послужили теоретические и литературные источники по теме ВКР, а также 32 цитаты из текста романа, содержащие библеизмы и 64 соответствующие цитаты из текстов перевода.

Научная новизна настоящей выпускной квалификационной работы заключается в комплексном подходе к проблемам перевода библеизмов внутри художественного текста, а так же в сопоставлении двух разных переводов и рассмотрении их с точки зрения теории интертекстуальности.

Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания французского языка; результаты и выводы данного исследования могут найти применение в общих и специальных исследованиях, при создании и дополнении специальных курсов по художественному переводу.

Настоящая работа в своей **структуре** содержит введение, две главы, заключение, список использованной литературы. Во введении описывается актуальность выбранной темы, поставлены цель и задачи, которые следует решить для достижения заявленной цели исследования. Первая глава является теоретической, в ней раскрываются такие понятия как библеизм, художественный перевод, фразеологическая единица библейского происхождения. Во второй главе производится описание исследовательской картотеки и анализируются переводы библеизмов в рамках теории интертекстуальности и с точки зрения соответствия требованиям, предъявляемым к художественному переводу. Каждая глава сопровождается выводами. В заключении подводятся итоги проделанного исследования. Работу завершает список использованной литературы.

ГЛАВА I ТЕОРИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДА БИБЛЕИЗМОВ.

1. Определение понятия «библеизм» в современной лингвистике

Библеизмы мы иногда встречаем в повседневной жизни, чуть чаще на газетной полосе, а на страницах художественных произведений некоторых авторов их изобилие порой даже приводит к непониманию текста. Но что же следует понимать под библеизмом? Как правило, в работах отечественных лингвистов, либо в специальных словарях, под библеизмами понимаются фразеологические единицы, афоризмы или крылатые фразы из Библии. Толковый словарь библейских выражений и слов даёт следующее определение: «Библеизм – языковая единица, характеризующаяся рядом признаков: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, частью принадлежащей к книжному слою лексики)» что приближает понятие библеизма к обычному фразеологизму. По мнению Ю.А.Гвоздарева, «библеизм – закрепившееся в русском языке выражение, состоящее из нескольких слов, регулярно воспроизводимое, детерминированное семантически и лексически библейским текстом» [Гвоздарев 1994, С.26]. Более простое определение даёт словарь О.С. Ахмановой: «Библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык». В этом смысле, определение Е.М. Верещагина представляется более конкретизированным: «отдельные слова, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании» [Верещагин 1993 С.97]. Верещагин, как и Ахманова, является приверженцем позиции,

что понятия библеизм и церковнославянизм тождественны.

Эту точку зрения оспаривает Е.В.Сергеева, утверждая, что «лексическая единица, восходящая к церковнославянскому языку, отнюдь не всегда ассоциируется у носителя современного русского языка с Библией, ее сюжетами и персонажами, и, напротив, содержательно соотносимые с Писанием номинации и микротексты не всегда связываются у языковой личности со старославянским языком» [Сергеева 2010, С.54]. Того же мнения придерживается и Колесов В.В. Он считает, что далеко не все библеизмы проникли в русский язык через церковнославянский, а «через учительную литературу Древней Руси, через патристику, особенно через церковные поучения и «слова» [Колесов 1995, 111].

Ещё более сложным является определение, даваемое Н.П.Матвеевой в словаре «Библеизмы русской словесности», включает в себя множество понятий, слишком отдалённо связанных с текстом Библии, а поэтому не представляет особого интереса, в силу слишком большого объёма. По мнению Семеновой, библеизмы «представляют собой особую группу в системе образных средств литературного языка. Это первая по времени сугубо книжная фразеология языка» [Семенова 2003, С. 5]. Если в ходе анализа той или иной единицы будет доказано, что она этимологически не связана с текстом Библии, то она не может быть рассмотрена в корпусе библеизмов. Подобные единицы принято называть ложными библеизмами.

М.А. Малкерова отдельно рассматривает так называемые «ложные» библеизмы: «Если в ходе анализа той или иной единицы будет доказано, что она этимологически не связана с текстом Библии, то она не может быть рассмотрена в корпусе библеизмов. Подобные единицы принято называть ложными библеизмами». Однако в данной работе, мы не будем выделять такую группу, т.к. она недостаточно репрезентирована в тексте романа.

2.Классификации библеизмов.

К.Н. Дубровина [Дубровина 2001, С.92], выделяет так называемые «добиблейские фразеологизмы» - фразеологические единицы, которые в тексте священного писания употребляются как метафорические образные обороты и «постбиблейские фразеологизмы», среди которых можно выделить:

а) Фразеологические единицы, образованные в результате метафоризации библейских свободных словосочетаний, и

б) Фразеологические единицы, отсутствующие в тексте священного писания, и появившиеся в языке не основе библейских сюжетов. К.Н. Дубровина так же предлагает грамматическую классификацию библеизмов, разделяя их на предикативные и непредикативные. В.Г. Гак [Гак 1997, С.55] так же предлагает развёрнутую классификацию библеизмов, которые он называет библейскими фразеологизмам (далее – БФ). Работая непосредственно с текстом Библии, он выделил такие оппозиции:

1. Контекстуальные (цитатные) и ситуативные. Под первыми он подразумевает прямые цитаты из текста писания, а под вторыми высказывания, которых там нет, но которые косвенно отсылают к сюжету или просто вызывают ассоциации с Библией.

2. Наличие/отсутствие библейского фразеологизма в языке. Безусловно, большая часть всем известных библеизмов, присутствует практически во всех языках, но бывает и так, что некоторые библейские ситуации отображаются в виде фразеологической единицы в одном языке, но отсутствует в другом. Такого рода ситуации мы постараемся подробнее рассмотреть в контексте анализа перевода библейских фразеологизмов в романе Достоевского. На эту сторону вопроса обращала внимание и К.Н. Дубровина: «А если соответствующие библеизмы – фразеологические единицы встречаются не в одном языке, то они могут различаться семантикой, компонентным составом, грамматической структурой,

внутренней формой, эмоционально-экспрессивной окраской» [Дубровина 2001, С.92].

Стоит уточнить, что в таких ситуациях задача переводчика частично упрощается тем, что большая часть библеизмов зафиксирована в словарях, что позволяет если и не найти эквивалент, то как минимум достоверно выявить этимологию тех или иных высказываний и искать самостоятельно достойный эквивалент.

3. Первичные (являются цитированием текста, непосредственно из источника) и вторичные (развивают идеи, упоминающиеся в священном писании, но не цитируют).

4. Непосредственные/опосредованные. Непосредственные восходят напрямую к Библии, в то время как опосредованные могут являться заимствованиями из другого языка, либо из книг других писателей.

5. Прямые/переосмысленные БФ. Первые используются с исходной семантикой, то есть значение тех слов, которые изначально были в тексте Библии не изменяется, в отличие от переосмысленных, чье значение было изменено по той или иной причине.

По мнению Е.В. Каминской [Каминская 2004], термин «библейский фразеологизм», употребляемый В.Г. Гаком и К.Н. Дубровиной является неверным. Она справедливо заметила, что его внутренняя форма указывает на то, что это обычный фразеологизм внутри библейского текста, и что в этом словосочетании не проглядывается более глубокая связь с Библией. Взамен, она предложила такой термин как «фразеологический библеизм» или «фразеологизм библейского происхождения». Здесь стоит заметить, что к понятию библеизм относятся не только фразеологические словосочетания или высказывания, но и просто слова. По этому поводу высказывались и представители не научного сообщества, а именно – представители Русской Православной Церкви. Для них библеизмом может являться любое слово, упоминающееся в Библии, так как она рассматривается как священный текст,

вне зависимости от языка, на который она переведена. В данном случае важно отметить, что тексты Священного Писания на других языках, за исключением греческого и арамейского диалекта иврита, на котором был написан Новый завет, и иврита, на котором был написан Ветхий завет, являются переводами. Однако, переводчики, переводя Ветхий завет с иврита, наткнулись на свойственную ивриту несравнимую с другими языками полисемию, что сильно осложнило процесс. Иначе говоря, те тексты Библии, которые читатель может найти в свободном доступе, не являются совершенными, т.к. сама возможность нахождения полных эквивалентов стоит под вопросом, а поэтому все существующие переводы до сих пор обсуждаются в переводческом сообществе. Можно так же добавить, что сам по себе текст Библии зачастую адаптируется для читателя в силу своей сложности. Это в очередной раз доказывает, что не всегда наиболее точный и близкий к оригиналу перевод – наилучшее решение, а так же из этого следует, что интертекстуальность библейского текста оспорима, ведь помимо огромного количества вариантов прочтения Библии, ещё и сам текст часто различается.

Исходя из всего вышесказанного, можно предложить следующую классификацию библеизмов:

1. Библеизмы-имена собственные. Их часто используют в речи в странах, где традиционной религией считается христианство. Данные имена со временем стали нарицательными: Ирод, Каин, Самсон. Они так же употребляются в составе фразеологических единиц: Ветхий Адам, Соломоново решение, петь Лазаря.

2. Библеизмы-топонимы - географические названия, фигурирующие в тексте Библии, такие как Вифлеем, Фавор, Вифания, Иордан. Они тоже могут участвовать в образовании фразеологизмов: Вавилонское столпотворение, Иерихонские трубы и т.п. Чаще всего они применяются для создания аллюзий к библейским сюжетом, как в художественных текстах, так и в публицистике.

3. Библизмы-религиозные реалии. Это слова, которые священнослужители используют в повседневной жизни. К ним относятся такие слова, как церковь, крест, исповедь, молитва, молебен и др. Стоит отметить, что большая часть лексики церковного обихода зафиксирована в самом тексте священного писания. Слова религиозного происхождения представляют самую обширную категорию библизмов, т.к. содержит в себе не только слова, упомянутые в самой Библии, но и огромный массив слов, образовавшихся в религиозной среде на протяжении более двух тысяч лет, причём не только христианства, но и всех остальных религий мира. Очень часто лингвисты относят данный пласт лексики к так называемым «культуронимам», то есть к словам, генетически привязанным не к Библии, а к всемирной культуре. С.В. Булавина [Булавина 2003, С.11] предлагает разделять понятия религиозной и церковной лексики. Религиозная лексика объединяет основные религиозные понятия (как правило связанные с христианством), большая часть которых представлена в Библии, а церковная лексика, куда более обширная, включает в себя церковные термины и номены, названия объектов (в том числе архитектуры) и многие другие слова, так или иначе привязанные именно к церковнослужителям, а не религии.

В более упрощенной форме, Н.В.Климович предложила следующую типологию библизмов:

1. Библизмы-слова (БС), к которым относятся:

– библизмы-имена собственные, представленные мужскими и женскими именами;

– библизмы-топонимы, представленные ойконимами, гидронимами, оронимами;

– библизмы-религиозные реалии – слова, используемые в практике отправления религиозных обрядов и наименовании предметов церковного обихода, а также наименованиями божественных существ (теонимы).

2. Библизмы-фразеологические единицы (БФЕ).

Данным термином в исследовании обозначаются ФЕ, как заимствованные из текста Священного Писания, так и возникшие на основе библейских сказаний и сюжетов.

3. Библизмы-междометия (БМ) – вокативные междометия, в состав которых входят библизмы-слова (представленные библизмами-именами собственными или наименованиями божественных существ).

4. Библизмы-цитаты (БЦ), которые в художественном тексте представлены:
1) прямой (немодифицированной) цитатой из текста Священного Писания, как полной, так и сокращенной;

2) модифицированной цитатой (цитатой, намеренно измененной автором)

Таким образом, под библизмами мы понимаем фразеологические единицы, как зафиксированные в тексте Священного Писания, так и возникшие на основе библейских сюжетов, а также слова, которые подразделяются на: 1) библизмы - имена собственные; 2) библизмы – топонимы и 3) библизмы – религиозные реалии. Слова, не зафиксированные в тексте Библии, но имеющие непосредственное отношение к христианской религии, называются религиозными словами христианского происхождения, так как связаны с текстом Библии. Данное определение будет лежать в основе дальнейшего исследования, посвященного проблеме перевода библизмов в художественной литературе.

3. Основные трудности в переводе библизмов.

Прежде чем перейти к анализу перевода библизмов романа «Преступление и наказание» на французский язык, обратимся к традициям современной теории перевода фразеологических единиц, в частности библизмов, с одного языка на другой.

Несмотря на то, что многие исследователи, такие как А.В.Федоров, Ю.П. Гольцекер, И.А. Бородянский, Я.И. Рецкер, А.В. Кунин и многие

другие, в своих исследованиях обращались к различным аспектам перевода ФЕ, в подходе ученых к этому вопросу и предлагаемых способах перевода обнаруживаются некоторые различия.

А.В. Фёдоров, основываясь на лингвистической схеме В.В.Виноградова, считал важной для перевода особенностью ФЕ так называемую «степень смысловой слитности или отдельности их элементов, степень ясности или неясности мотивировки (наличие или утрата внутренней формы, образности), стилистическая окрашенность» [Фёдоров 1968, С.194]. Система Фёдорова была создана с целью упрощения перевода и создания максимально универсальной схемы передачи ФЕ, однако в художественной литературе она мало применима. Поэтому в более современных работах принято считать, что основополагающим моментом для разработки теоретических вопросов перевода ФЕ становится не семантическая классификация, а иные факторы. Действительно, расхождения во взглядах на отдельные ФЕ, в том числе и БФЕ по вопросу их соотнесения к тому или иному классу, отнюдь не редкость, т.к. «определение типа фразеологизма является в значительной степени делом субъективным, делом вкуса, языкового чутья и знания переводчика» [Шадрин 1964, С.45]. Фразеологизмы, которые читатель соотносит с библейским текстом, по мнению В.Гака, отличаются тем, что несмотря на один источник, отбирались и внедрялись в культуру народа в своём, уникальном порядке: «В содержательной структуре библейской фразеологии чётко просматриваются нравственно-дидактическая, морально-этическая составляющие, что, в первую очередь, связано с религиозной основой самой Библии, её вероучений, исходящих из противопоставления понятий добра и зла. При функционировании в речи библеизмы отображают менталитет, свойственный определённому культурному социуму. По мнению лингвокультурологов, именно во фразеологии каждое сообщество идентифицирует свое национальное самосознание» [Гак 1994 С. 9]. Библеизмы стали фразеологизмами в обоих языках, но при их употреблении наблюдаются

несовпадения. Несовпадения между фразеологизмами-библейскими в русском и французском языках могут иметь различный характер: семантические, грамматические, стилистические расхождения, несовпадение эквивалентов. Помимо этого, на основе одного и того же библейского сюжета в разных языках появились различные (например, по объему значений) слова, словосочетания и фразы, значения которых должно быть известно, т.к. недопустимо ориентироваться исключительно на форму. Иногда французскому библеизму в русском языке соответствует не «его русский библейский эквивалент, а другой библеизм или просто фразеологизм» [Кабакчи 2001]. Из этого следует, что лишь учитывая рассмотренные варианты соотношения французских и русских библеизмов, можно рассчитывать на адекватный перевод.

Большинство лингвистов прошлого и современности сходятся во мнении, что главная функция языка – номинативная. Это трудно оспаривать, ведь именно эта функция наиболее существенна для бытовой коммуникации и решения первоочередных для человека проблем. Однако, сам факт существования художественной литературы указывает на то, что человек не ограничивается этим, и именно в области художественного слова наиболее существенными оказываются другие функции языка. По мнению М.А. Малкеровой, «одна лишь номинация «не может полностью обеспечить наименование познанных человеком сторон действительности» [Малкерова 2013, С.303], что объясняет главную функцию художественного текста – эстетическую. Библеизмы, в свою очередь, играют важную роль в исполнении этой функции: библейские афоризмы как на иностранных языках, так и на русском, в том числе библеизмы-пословицы, выполняют помимо номинативной (обозначение типовых ситуаций) и эстетической (украшение речи) функций еще и аргументационную функцию (подтверждение сказанного)» [Занглигер 1998 С. 271].

Часто главная трудность, как это ни странно, состоит в том, чтобы «опознать» библеизм, так как в большинстве случаев библеизмы

употребляются не только без ссылки на источник, но и порой в намеренно измененном виде (для достижения автором каких-то своих целей - для создания ли определенного стилистического эффекта, для чего-то еще - которые переводящему нужно разгадать) - часто почти до неузнаваемости. Выяснить этимологию фразеологических единиц не всегда представляется простой задачей, но чрезвычайно важной, когда речь идет о переводе. По мнению М.В. Есяна «Задача эта может быть выполнена путем совместных усилий лингвистов, культурологов, антропологов, переводчиков и педагогов» [Есян 2006, С.43]. Если придерживаться этой точки зрения, то в своей работе, переводчику не остаётся другого пути, как использовать совместные наработки других учёных. Нельзя так же не учитывать, как принимающая культура может воспринять перевод. В этом смысле, немалое значение играет в целом история ассимиляции Библии в сознании народа. Ж.З. Ирмакова выделяет различие в ассимиляции религии и культуры как одну из основных трудностей для переводчика: «Особенности конфессиональной ориентации являются экстралингвистическим фактором, под воздействием которого находился процесс формирования лексических единиц библейского происхождения. Носителями языков, преимущественно лютеранами, евангелистами и католиками в Германии и православными в России, в некоторых случаях по-разному расставлялись акценты при интерпретации библейских текстов. Фразеологические обороты являются отражением культуры, быта, традиций и стереотипов, имеющих место в той или иной стране, другими словами, фразеология тесно связана с человеком, с отдельными сферами его деятельности и быта, одной из которых является религия. Иногда повышенное внимание уделялось разным сюжетам или образам».

Выделяются три причины культурного уровня, которые могут объяснить наличие библеизмов в русском языке и его отсутствие во французском. Во-первых, во Франции существует несколько вариантов Библии, которые конкурируют между собой, поэтому форма выражения не

всегда имеет чёткую фиксацию. Можно предположить, что с этим связано более выраженное тяготение французского языка к ситуативным, а не контекстуальным и интертекстуальным библеизмам. По-разному во Франции переводятся многие библейские слова и выражения, вплоть до пословиц. Например, Болонь основывается на Экуменической Библии (1971) с привлечением вариантов из других современных переводов, тогда как Герлак использует переводы Леметра де Саси (17 век). В русских же текстах все ссылки даются по Синодальному изданию. К причинам можно так же отнести язык богослужения. Этот фактор особенно важен, т.к. объясняет исторический и культурный фон в фиксации библеизмов. Во Франции (к которым библейские выражения пришли, в основном, из проповедей, житийной литературы, молитвословов, мистерий, мираблей) богослужение много веков велось на латинском языке, а в России – на церковнославянском. Тут стоит заметить, что после Турского собора 813 года, латынь перестала быть понятна широким массам людей, в отличие от церковнославянского, которое долгое время был очень близок народу. В православной христианской России изучение Закона Божьего являлось обязательным во всех русскоязычных учебных заведениях. Даже обычные, грамотные люди, просто учившиеся в сельских приходских школах, были знакомы с библейскими притчами, изречениями, афоризмами, и это не говоря об интеллигенции, которая была прекрасно знакома с библейскими сюжетами. В настоящее время, подобного не наблюдается, а значит, текст воспринимается несколько иначе, т.к. общий культурный фон населения изменился. Естественно, этот фон существует и изменяется внутри всех культур. Например, в контексте восприятия имён собственных, можно отметить, что многие библейские имена и топонимы использовались различными авторами в их произведениях на протяжении веков, что постепенно меняло их семантику. На этот счёт так же высказывался Е.Верещагин: «Что касается Библии на русском языке, то, откровенно говоря, в ней длительное время не было надобности. Церковнославянский

язык и сейчас, при условии минимальной начитанности, достаточно понятен» [Верещагин 1993, С.70]. С этим также связано различие между французским и русским слогом Библии, которые представляются схожими, но на деле формируются по-разному, а именно из-за церковнославянского оттенка многих русских библеизмов, который придаёт слогу торжественности. Во французском же языке такой лексики практически нет, Библия содержит обыденные, нейтрально окрашенные слова: «"Высокий стиль" во французском языке зависит не столько от употребления высоких слов, сколько от неупотребления слов и конструкций разговорных, снижающих. В этом смысле французский "высокий слог" понятие, в основном, негативное». [Эткинд 1963, С.204]. Поэтому, по мнению В.Гака, довольно часто французскому нейтральному слову, которые мы привыкли встречать в самых разных стилях, можно найти архаический эквивалент, имеющий поэтическую коннотацию. Важно упомянуть, что из-за повсеместной секуляризации общества уровень знания Библии среди населения упал везде. Связь её с живым языком существенно ослабла. Многие люди имеют представление о библейской истории исключительно по произведениям искусства или праздникам (Троица, Рождество-Noël, Pâques-Пасха, Epiphanie, Пятидесятница и пр.), при этом смысл сюжета или празднования не всегда бывает понят. В целом, употребление библеизмов в речи снижается, равно как и уровень их понимания. В связи с этим переводчик должен чётко понимать свою собственную задачу, делать перевод максимально близкий к оригиналу, или же учитывать возможности читателей? Ведь если автор оригинала рассчитывал, что читатель сможет опознать в тексте тот или иной элемент как библейский, то и в тексте перевода должен сохраняться этот эффект: «Проникновение в разговорную речь библейской лексики и фразеологии происходило не только под влиянием непосредственного общения с текстом Библии, но и под влиянием художественной литературы. От истоков и до сего дня она вбирала в себя библейские «глаголы» и доносила их до читателя уже слившимися со

стихией живой речи» [Николаюк 1998, С.39]. Многие исследователи отмечают, что огромное количество сюжетов, взятых в священном писании, существует уже само по себе, вне Библии, перетекая на протяжении очень долгого времени из одного контекста в другой, впитывая всё новые и новые коннотации и отсылки. Поэтому наше восприятие библеизмов формируется не только (вероятно даже в меньшей степени) на основе наших знаний библейских сюжетов: «Переосмысление данных образов в религиозной и художественной литературе, а также в различных видах искусства составляет основу соответствующего фрагмента нашей картины мира» [Карпенко 2010, С.73].

Как мы увидели, переводчику приходится учитывать огромное количество факторов, поэтому на деле множество из них зачастую относят к второстепенным, т.к. в художественном переводе, как ни в каком другом, речь чаще идёт об адекватности перевода, а не эквивалентности, ввиду частой невозможности передать все составляющие сообщения одновременно.

4. Основные положения теории интертекстуальности библейского текста.

Наиболее адекватным, в связи с прецедентным характером Библейского текста, представляется рассмотреть корпус библеизмов, представленных в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» с точки зрения теории интертекстуальности. Н.В. Климович считает, что «Являясь «общим элементом культуры разноязычных обществ» [Гак 1997, С.

55], проникшие в языки из одного прецедентного текста - Библии - и функционирующие в художественных текстах (являющихся по отношению к тексту Библии метатекстами), библеизмы могут быть определены как интертекстуальные элементы» [Климович 2011, С.8]. Сопоставление библеизмов на языке оригинала в художественном тексте с их аналогами в переводе обеспечивает понимание важности той функции, которую библеизм реализует в тексте и усиливает, таким образом, значение тонкостей употребления той или иной единицы перевода.

По мнению И. С. Алексеевой, именно в художественном тексте явление интертекстуальности занимает особое место, ведь в нём наблюдается максимальная «густота» [Алексеева 2001, С. 14] и разнообразие функций интертекстуальных включений. Такого рода «речевыми стереотипами», очень часто являются библеизмы, так как они воспроизводятся в речи в готовом виде, а так же отвечают критерию оценки по перцептивной и продуктивной маркированности интертекстуальных элементов, предложенных Г. В. Денисовой. Это означает, что они: 1) являются необязательными в употреблении; 2) существуют исключительно на фоне «нейтральных» высказываний; 3) сообщают высказыванию дополнительный смысл (обладают интенсивностью информационного воздействия); 4) требуют адекватного восприятия со стороны адресата. Использование библеизмов, как стереотипных цитат, основывается на чувстве принадлежности к определенной лингвокультурной общности, что придает им оттенок «универсальности».

Г. В. Денисова выделяет следующие группы интертекстуальных элементов:

- 1) интертексты, принадлежащие мировой семиосфере, т. е. так называемой универсальной энциклопедии;
- 2) интертексты, общие для большинства представителей определенной языковой культуры, т. е. они принадлежат национальной энциклопедии;

- 3) интертексты, представляющие собой отличительную черту индивида, т. е. являющиеся частью индивидуальной энциклопедии;
- 4) интертексты, использующиеся как первичное средство коммуникации, которые определяются как стереотипные.

Из данной классификации следует, что библеизмы относятся к первой группе, т. е. интертексты, принадлежащие мировой семиосфере, т. е. так называемой универсальной энциклопедии, поскольку Библия переведена практически на все мировые языки, и присутствуют практически во всех национальных культурах. Библеизмы-слова, так же как фразеологические единицы, воспроизводимы в готовом виде и используются практически во всех мировых языках.

5. Функции библеизмов внутри художественного текста.

В тексте художественного произведения библеизмы выполняют следующие функции:

1. Стилистическая функция. БС, БФЕ и модифицированные цитаты выступают в художественном тексте в качестве аллюзий. Прямые цитаты (полные и сокращенные) из текста Священного Писания, употребленные в архаичной форме, выступают средством создания высокого стиля. Основной функцией БМ является выражение экспрессии и эмоций. Библеизмы в структуре художественного текста чаще всего выступают в роли

эмоционально-риторических структур, которые делают текст более ярким, эмоциональным, насыщенным. Использование библеизмов различных типов в прямой речи, в разговорно-народных формах эмоционально окрашено, оно не только называет описываемое событие, но и передает состояние его очевидцев. Такое изложение преследует цель эмоционального воздействия. Эмоциональность, пронизывающая художественный текст, зачастую создается посредством использования библеизмов. Как и любые интертекстуальные элементы, библеизмы являются необязательными в использовании, однако их отсутствие в тексте делает его менее экспрессивным. Таким образом, являясь элементом эмоционально-риторической структуры, неся в себе определенную экспрессивность, библеизмы способствуют актуализации главной функции художественного текста - эстетической.

2. Композиционная функция. Являясь элементом любого уровня художественного текста, библеизмы выступают средством организации композиции художественного произведения. Было выявлено, что как интертекстуальные элементы в художественном тексте библеизмы могут быть представлены в названиях произведений, в названиях глав, в эпиграфах ко многим художественным произведениям, в которых представлены прямые (полные и сокращенные) цитаты из Библии. Внутри текста художественного произведения могут быть представлены любые типы библеизмов.

3. Прагматическая функция, которая актуализируется:

1) в связи с субъектом речи - через установку автора художественного произведения посредством прагматического значения библеизма как интертекстуального элемента. Поскольку библеизмы используются автором художественного текста интенционально (как интертекстуальный элемент, они являются необязательными в употреблении, и их можно заменить другим (близким по смыслу) выражением), то целесообразно говорить о том, что использование библеизмов «способствует совокупной иллюкутивной силе

речевого акта, частью которого они являются» [Каплуненко 1991, С. 35]. Библизмы придают высказыванию дополнительный (косвенный) смысл, выражая таким образом отношение автора к герою произведения. Именно указанная тенденция обуславливает интенциональность использования библизмов и обнаруживает их субъективно-целевые свойства;

2) в связи с адресатом речи - читателем художественного произведения посредством воздействия высказывания, в котором был употреблен библизм, на адресата (перлокутивный эффект, по Дж. Остину [Остин 1986]): расширение информированности адресата, изменения в эмоциональном состоянии, взглядах и оценках адресата, эстетический эффект.

Таким образом, в художественном произведении библеизмы выполняют стилистическую, композиционную и прагматическую функции. Они имеют подтекст, могут быть неоднозначно восприняты читателем и выражают установку на отражение нереальной действительности. Библеизмы в художественном тексте являются теми единицами, которые помогают выразить информацию произведения, указывая тем самым на заключенный в нем художественный смысл. Таким образом, библеизмы представляют собой элементы внешнего уровня художественного текста, так как, помогая в осуществлении стилистической и композиционной упорядоченности текста, они являются носителями информации, находящейся в подтексте произведения, способствуя актуализации главной функции художественного текста - эстетической.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.

Изучив лингвистическую литературу по интересующей нас теме, мы выработали для себя основные теоретические положения, которыми будем руководствоваться в работе.

1. В лингвистике нет строгого определения библеизма. Разные исследователи понимали их по-разному.

2. Нет единой классификации библеизмов.

В данной работе под библеизмом будут пониматься прямые и косвенные цитаты из Библии, библейские топонимы и имена собственные, библейские фразеологизмы в полной либо усеченной форме, любые библейские реминисценции.

3. Первоочередной задачей в переводе библеизмов является идентификация того или иного библеизма, типы которых приведены в классификациях.

4. Разные культуры по-разному принимали библеизмы, поэтому их внутренняя форма может различаться.

5. Библеизмы в сознании читателя соотносятся не только с самой Библией, но и со всеми памятниками культуры, созданными на основе священного писания, а так же эволюционируют и меняют свою семантику и окраску благодаря литературе.

6. Одни и те же библеизмы в русском и французском языке могут иметь разную стилистическую окраску.

7. Библеизмы могут рассматриваться как интертексты внутри мировой семиосферы.

8. В художественном произведении библеизмы выполняют стилистическую, композиционную и прагматическую функции.

ГЛАВА II. ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ БИБЛЕИЗМОВ В ТЕКСТЕ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ».

1.Переводческие стратегии перевода библеизмов.

Переводческие стратегии при переводе библеизмов как интертекстуальных элементов не могут быть абстрактно зафиксированы или «предписаны», но определяются в каждом конкретном случае в зависимости от переводческой ситуации, состоящей из прагматической цели перевода, типа исходного текста и характера предполагаемого адресата перевода. Исходя из этого переводчик - это, прежде всего, исследователь, в основе работы которого лежит строгий научный метод. И это, согласно Г. В. Денисовой [Денисова 2003], единственное требование, которое должно применяться к переводческой деятельности, чтобы переводной текст в результате столкновения с другими семиотическими системами породил «третье» интертекстуальное пространство, принципиально новое и непредсказуемое, и также становился в рамках иноязычной культурной общности «генератором новых смыслов».

При выборе способа перевода библеизма трудность для переводчика будет заключаться в идентификации библеизма в художественном тексте и соотнесении библеизма с определенным типом. Следование данной процедуре представляется необходимым условием для сохранения библеизма в тексте переводного произведения.

Перевод библеизма, как и любого интертекстуального элемента, - «задача, бесспорно, сложная, так как требует от переводчика изучения различных слоев “ядерных” текстов принимающей и передающей культур наиболее энергетически сильных - как межкультурных и вневременных;

текстов, общих для нескольких культур; и национально специфичных текстов» [Кузьмина 2001, С. 106].

При переводе интертекстуальных элементов, согласно И. С. Алексеевой [Алексеева 2004], возможны:

- 1) полная или частичная утрата интертекстуальности;
- 2) замена интертекстуального элемента, содержащегося в оригинальном тексте, на интертекстуальный элемент, вызывающий аналогичные ассоциации в тексте перевода.

Однако поскольку библеизмы являются универсальными интертекстуальными элементами, в тексте оригинала и перевода могут выполнять ту же функцию, т. е. могут быть переведены интертекстуальным элементом.

Таким образом, в свете теории интертекстуальности переводной текст - это текст, который, с одной стороны, удовлетворяет эстетическим критериям оценки литературы на языке перевода (т. е. оценивается по той же аксиологической шкале, что и оригинальные художественные произведения), с другой - включает знаки, индексы «материнской» культуры, создающие напряжение своего/чужого в тексте перевода.

Библеизм не только должен быть соотнесен с определенным типом в тексте перевода, но и сохранить связь с текстом Священного Писания при переводе. Таким образом, в тексте перевода библеизм как интертекстуальный элемент должен сохраняться. Кроме того, важным фактором при переводе библеизмов как интертекстуальных элементов является сохранение функции данных единиц в тексте перевода.

2. Анализ перевода библеизмов, представленных в романе «Преступление и наказание».

Роман Ф.М.Достоевского неоднократно переводился на французский язык. Первый перевод был создан Виктором Дерели (который так же перевёл и остальные романы Достоевского) в 1884 году. Роман так же переводился намного позднее Пьером Паскалем в 1984 году, Андре Марковичем, в 1998 году (а так же, в новой версии, в 2016), Elisabeth Guerty, в 2008 году, В данном исследовании используются переводы Дуси Эргаз, выпущенный в 1950 году, а также перевод Léon Brodovikoff, реализованный в 1968 году.

В ходе выборки было выделено 32 библеизма и их переводы:

Текст оригинала	Léon Brodovikoff	D.Ergaz
<p>1.Параша опять выступила на сцену, да и не она одна, — одним словом, начался <u>СОДОМ</u>.</p>	<p>1.Paracha revint en faveur et fut suivie de bien d'autres. En un mot, <u>je commençai à mener une vie infernale !</u></p>	<p>1.Paracha réapparut en scène — et pas seulement Paracha, — en un mot, <u>la maison devint un vrai Sodome.</u></p>
<p>2.Там семилетний развратен и вор. А ведь <u>дети — образ Христов</u>: «Сих есть <u>царствие божие</u>».</p>	<p>2.Un gamin de sept ans y est vicieux et voleur. Et cependant <u>les enfants sont l'image du Sauveur.</u> « <u>Le royaume de Dieu</u> leur appartient.</p>	<p>2.Dans ces familles, l'enfant ne peut pas vivre comme un enfant, un petit de sept ans est vicieux et voleur. <u>Et les enfants sont à l'image du Christ</u> : « <u>Le royaume de Dieu</u> est à eux ». Il a dit de les aimer et de les respecter, ils sont l'humanité future...</p>
<p>3. - Есть на тебе <u>крест</u>? - вдруг неожиданно спросила она, точно вдруг вспомнила.</p>	<p>3. As-tu <u>une croix</u> à ton cou ? demanda-t-elle d'une façon inattendue, comme si elle venait de penser à cela.</p>	<p>3. As-tu <u>une croix</u> ? » demanda-t-elle tout à coup comme frappée d'une pensée subite.</p>
<p>4.Живут же там многие и кроме нас... <u>СОДОМ</u>-с,</p>	<p>4. Il y en a beaucoup d'autres qui y vivent, à part nous, <u>un fanage</u></p>	<p>4. Il y a là bien d'autres locataires à part nous, <u>c'est un véritable</u></p>

Нами было выделено 3 основных способа передачи библеизмов в тексте романа:

1. Перевод библеизма традиционным или эквивалентным соответствием.

Такой способ перевода мы видим при передаче библеизмов-слов, которые лишь косвенно связаны с Библией и имеют крайне низкую степень интертекстуальности: «- **Есть на тебе крест?** - вдруг неожиданно спросила она, точно вдруг вспомнила» - слово «**крест**» в сознании читателя вошло в обиход и не осознаётся как библейский элемент, поэтому оба переводчика использовали стандартный словарный эквивалент «**croix**». Такие случаи очень распространены, порой даже в случае с такими очевидными библеизмами как слово «Бог», которое встречается в тексте романа около 200 раз, но не представляет никакого интереса с точки зрения перевода, т.к. вошло в пласт узуальной лексики и легко переводится при помощи обычного словаря. Таким же способом, было легко перевести такие библеизмы как «Ноев ковчег», «взойти на Голгофу» или даже упоминание о классическом, но колоссально важном сюжете о воскресении Лазаря: «**L'arche de Noé**», «**Le Golgotha**», «**la résurrection de Lazare**». Такой тип перевода также употребляется для закрепившихся в общеупотребительной лексике фразеологических оборотов библейского происхождения. Таким образом, оба переводчика выбрали полный эквивалент библейского словосочетания «бросать камень» - «**jeter la pierre**», сохраняя стиль и интертекстуальную составляющую. Незначительное различие в переводе наблюдается в случае библеизма «вода камень точит», который Л.Б. перевёл как «**l'eau ronge bien la pierre**», а Эргаз как «**l'eau use bien la pierre**», что объясняется отсутствием во французском языке единого перевода текста самой Библии. Другая версия может заключаться в том, что и в русском варианте, данный мотив встречается неоднократно, и в Ветхом Завете звучит несколько иначе ««Вода стирает камни; разлив её смывает земную пыль: так и надежду человека Ты уничтожаешь» (Иов 14:19). Так или иначе, оба перевода являются полностью

эквивалентными. Абсолютно идентичная ситуация и с библеизмом «**выпить чашу**», который переводится как «**vider la coupe**» либо «**boire la coupe**», где оба перевода хоть и различаются, но являются эквивалентными.

2. Опускание библеизма при переводе. В тех случаях, когда тот или иной библеизм был ассимилирован внутри одной культуры, но был отвергнут другой, переводчик может, за неимением другого варианта, опустить интертекстуальную составляющую, но тогда следует сохранить эстетическую функцию. Во французском языке нет библеизма, соответствующего русскому «**Лазаря петь**», так что переводчики были вынуждены иначе передать содержание фразеологизма. Л.Бродовикофф выбрал усеченный французский фразеологизм «**prêcher aux poules**» чтобы передать идею необходимости быть осторожным. Этот вариант представляется допустимым, т.к. прагматически верно передаёт содержание и привносит стилистическую окраску, в отличие от вариант Д.Эргаза, который озаботился лишь смысловой составляющей. Действительно, французский глагол «**apitooyer**» передаёт значение русского библеизма, но не создаёт эстетический эффект. В обоих случаях, речь идёт лишь о нахождении адекватного, но не полного эквивалента, т.к. оба перевода не характеризуют субъекта речи как образованного человека, то есть не выполняют прагматическую функцию до конца.

3. Замена библеизма. Оба переводчика своим тексте опускают топоним «Содом», который в тексте оригинала «Живут же там многие и кроме нас... **Содом**-с, безобразнейший... гм... да.» отсылает читателя к библеизму «Содом и Гоморра», которые во французском языке не закрепились в качестве фразеологической единицы, несмотря на употребление его в названии романа Пруста «*Sodome et Gomorrhe*». В русском языке такого рода библеизмы, даже в усеченной форме, закрепили за собой значение «шум, беспорядок», которое оба переводчика передали через отсылки к аду, которые тоже является библеизмом: «*tapage infernal*» и «*véritable enfer*». Аналогично этот топоним Л.Бродовикофф перевёл и во

фразе «Параша опять выступила на сцену, да и не она одна, — одним словом, начался **содом**», делая отсылку к аду «Paracha revint en faveur et fut suivie de bien d'autres. En un mot, je commençai à mener **une vie infernale!**». А вот Д.Эргаз предпочёл сохранить топоним, перенося характеристики города, заложенные в библеизме, на дом.

Библеизм «**камень преткновения**» имеет прямой аналог во французском языке, так же являющийся интертекстуальным – **la pierre d'achoppement**, и Л.Бродовикофф использует именно его. Данный библеизм нетрудно идентифицировать, однако остаётся загадкой, почему Д.Эргаз и в этом случае предпочёл использовать другой библейский эквивалент «*pierre de touche*», который словарь Larousse определяет как «*variété de jasper noir qui servait à essayer l'or au touchau ; ce qui sert à connaître la valeur de quelqu'un, de quelque chose ; test, critère*» и на русский язык переводится как «краеугольный камень», который означает основу, начало, суть чего-либо. Данный выбор является грубой ошибкой, если рассматривать его в контексте теории интертекстуальности, ведь камень преткновения отсылает к Посланию к Римлянам: «А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона; ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий верующий в Него, не постыдится» (Рим. 9:31-33), а краеугольный камень к цитате апостола Петра (28:16): «Посему так говорит Господь Бог: вот, я полагаю в основание на Сионе камень, камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится.»). Несмотря на то, что первый раз это словосочетание встречается в книге пророка Исайи, этот фразеологизм принято считать так называемым новозаветизмом, т.к. именно в Новом Завете он получил свою значимость, на него периодически указывается, например в Четвероевангелии. Можно так же процитировать Послание к ефессянам апостола Павла, в котором говорится: «... имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на

котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм Господи, на котором и вы устройтесь в жилище Божие Духом» (2.20–22). Таким образом, выражение «краугольный камень» имеет в Новом Завете двойкий смысл: «камень, положенный в основание постройки, становится символом Иисуса Христа». В современном словоупотреблении этот фразеологизм означает «основание, главную идею чего-либо» [Ашукин 1966, С.316]. Следовательно, здесь наблюдается искажение смысла, т.к. камень преткновения обладает эксплицитной семой препятствия на пути к чему-нибудь.

Русский библеизм «крестная мука», отсылающий к мукам Христа на Голгофе (или Кальварии) в католической культуре намного понятнее в том виде, в каком его передал Л.Бродовикофф: «*le calvaire*». До сих пор вопрос с названием Голгофы является спорным и оба топонима используются во французском языке, однако значение страдания закрепилось именно за существительным «*calvaire*», вошедшим в употребление в литературный язык.

Русский библеизм «Се человек» соотносится с церковнославянским языком, и определяется словарём библеизмов К.Н.Дубровиной [Дубровина, 2010] как «Похвала чьим-либо высоким духовным и нравственным качествам». Вариант Л.Б. не имеет стилистической окраски, так как французское существительное «*homme*» не имеет коннотаций, и не является интертекстуальным. «*Esse homo*», латинский вариант, предложенный Д.Э. в этом смысле куда интереснее, т.к. отсылает к словам Понтия Пилата, адресованным к Иисусу. Латинский перевод также отсылает к многочисленным произведениям искусства, например к одноименной картине Рэриха «*Esse homo*». Схожая ситуация и с библеизмом «ищите и обряцете», которая вошла в русский язык из церковнославянского, и ближайший французский эквивалент не обладает той же окраской, что и русский: «*Cherchez et vous trouverez*», который закрепился во французском языке как пословица, но изначально фигурировал в тексте Библии «*Demandez et l'on vous donnera; cherchez et vous trouverez; frappez et l'on vous*

ouvrira. Car quiconque demande reçoit; qui cherche trouve; et à qui frappe on ouvrira» (Matthieu, 7: 7-8).

Словосочетание «алчущие и жаждущие» является косвенной цитатой Евангелия: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим и накормили? или жаждущим и напоили?» (Мат. 25:35–40). Однако оба слова дополняются словом «свет»: «алчущим и жаждущим света», что метафорически сравнивает свет (духовное понятие) с пищей и водой и характеризует персонажей как исключительно духовных. Л.Б. вновь выбрал общеупотребительную лексику: «**être affamé et assoiffé de lumière**». Французские прилагательные «**affamé**» и «**assoiffé**» не сохраняют стиль оригинала и утрачивают интертекстуальность. Д.Э. так же предлагает стилистически нейтральное прилагательное «**avide**».

Библеизм «царствие божие» является усеченной цитатой «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царство небесное», которая трактуется словарём Дубровиной как «О чём-либо трудновыполнимом или о полной невозможности достижения какой-либо». В контексте романа («Только что узнали они обе, Катерина Ивановна и Сонечка, господи, точно я в царствие божие переселился.») это значение воспринимается лишь как вторичное, т.к. вошло в обиход как синоним слова «рай» и в этом значении так же существует и как библеизм: «Местопробывание душ праведных людей после их смерти, рай; будущая блаженная жизнь праведных, загробная жизнь у Бога».

4. Перевод-объяснение. Существует теории перевода библеизмов, но является крайне нежелательным способом передачи внутри художественного текста, т.к. гарантированно уничтожает эстетическую функцию текста. Таких переводов не было обнаружено в приведенных текстах перевода.

Таким образом, достижение полного эквивалента касается только тех библеизмов, которые и в русском и во французском языке перешли в разряд общеупотребительной лексики (в случае библеизмов-слов) или

фразеологизмов. В большинстве случаев переводчику приходится идти на жертвы, из-за невозможности соблюсти все критерии предъявляемые к идеальному переводу. Наиболее сложными являются реминисценции и модифицированные автором цитаты, как в монологе «И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!» И мы выйдем все, не стыдась, и станем. И скажет: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи! почто сих приемлеш?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...», которые изобилуют церковнославянской лексикой, трудно передаваемой для представителей другой культуры. Поэтому Леон Бродовикофф в этом случае даже прибегает к опущению «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!».

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.

В ходе работы над анализом корпуса библеизмов в романе Ф.М.Достоевского мы смогли сделать следующие выводы:

1. Невозможно разработать чёткую схему по работе с библеизмами как с интертекстуальными элементами, каждый случай должен рассматриваться индивидуально в зависимости от задач данного переводчика.
2. Главная трудность на пути достижения эквивалентности – идентификация библеизма и соотнесение его с разработанной типологией библеизмов.
3. В процессе перевода может полностью утрачиваться интертекстуальность переводного элемента, а может заменяться аналогом, подходящим для принимающей культуры.
4. В художественном переводе эстетическая функция часто преобладает над номинативной, утрата интертекстуальности приводит к художественной неполноценности перевода.

5. При исследовании выбранных библеизмов было выделено три возможных варианта перевода. Существующая в теории перевода тактика перевода-объяснения не была использована ни одним из двух переводчиков
6. Эквивалентный способ перевода возможен для слов-библеизмов и фразеологизмов, вошедших в общеупотребительный пласт лексики и не осознающихся как библеизмы.
7. Замена одного библеизма на другой замечается в тех случаях, когда стилистический компонент языка оригинала не ясен представителю принимающей культуры. В случае с французским языком, это может быть и латинский эквивалент.
8. Опущение библеизма наблюдается в тех случаях, когда библеизм, употребленный в языке оригинала, не существует в языке перевода, либо не был опознан переводчиком как таковой, что свойственно для более сложных библеизмов, присутствующих в тексте в виде реминисценций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Библия лежит в основе культуры многих народов. На протяжении многих веков она оказывала влияние на все виды искусства: живопись, музыку, скульптуру и, конечно же, литературу. Библейские сюжеты оставляли разное впечатление на представителей различных культур, а поэтому по-разному развивались и приживались в языке. Библейские сюжеты, лексика и фразеология вживлялись в сознание носителей культуры по-разному, а поэтому и фиксировались зачастую неодинаково. Библеизмы в сознании читателя ассоциируются не только с Библейскими сюжетами, но и со всеми памятниками культуры, созданными на их основе. Без понимания культуры того народа, для которого создаётся перевод невозможно добиться близкого к оригиналу текста.

В ходе работы были рассмотрены разновидности библеизмов, их классификации и функции: стилистическую, композиционную и прагматическую. Наиболее важной в контексте художественного перевода является стилистическая, именно она отличает автора от других, и именно её переводчик должен стремиться сохранить в первую очередь.

Выбранные в соответствие с выбранным определением библеизма примеры рассматривались нами так же в рамках теории

интертекстуальности. Библия является прецедентным текстом, а следовательно должна вызывать у представителей различных культур схожие ассоциации. Помимо тех функций библеизмов, которые мы выделили, переводчик в своей работе должен сохранять и эти ассоциации. Для этого нами было выделено 3 возможных стратегии перевода тех библеизмов, которые присутствовали в тексте романа Достоевского: опущение, перевод эквивалентом или замена одного библеизма другим. Ни один переводчик не использовал объяснительную конструкцию, которая нам представляется бесперспективной в работе с художественным произведением.

В практике художественного перевода принято считать, что трудно прийти к согласию по множеству вопросов. Действительно, требований к идеальной передаче библеизма было обнаружено много, но на практике обоим переводчикам приходилось оставлять некоторые функции в стороне из-за невозможности создать полный эквивалент. Данная работа подтверждает, что, несмотря на многочисленные заявления исследователей о том, что перевод в принципе невозможен, интерес к воссозданию великих текстов сильнее трудностей. На данный момент существует 7 переводов романа на французский язык, каждый из которых по-своему удачен. Те примеры, которые были выделены в этом исследовании, могут помочь в дальнейшем лучше понять одну из важнейших составляющих творчества Ф.М.Достоевского – религиозные мотивы. Так же они могут быть интересны для дальнейшего, более глобального исследования библейских компонентов в художественном тексте.

Список использованной литературы.

Научная литература:

1. Алексеева И. С. Апофеоз интертекстуальности (о переводе поэмы Тимура Кибирова «Когда Ленин был маленьким» на немецкий язык и об интертекстуальном барьере в переводе) // Третьи Федоровские чтения: материалы III Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», 26-28 окт. 2001. Вып. 3. С. 13-19.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издат. центр «Академия», 2004. 352 с
3. Ашукин Н.С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М.,1966. –316 с.
4. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: Дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2003.
5. Верещагин Е.М. Библийская стихия русского языка: сборник научных статей / 1993. №1. – С.90-98.
6. Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библейскими фразеологизмами) / В.Г.Гак// Вопросы языкознания: сборник научных статей. - 1997. - №5. – С.55-65.
7. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.:

Азбуковник, 2003. 298 с.

8. Дубровина К.Н. Особенности библейской фразеологии в русском языке // Филологические науки: сб. научных статей. - 2001. - №1. – С.91-98.
9. Есаян М.В. Перевод библеизмов в буквальном и образном значениях // Известия ТРТПУ. – 2006. - №2. – С.42-46.
10. Жуковская Н. П. К вопросу о создании французско-русского словаря библеизмов // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2006. №2.
11. Занглигер В.Ф. О переходе нетрансформированных библейских изречений в пословицы // Изучение славянских языков, литератур и культур в иноязычной среде. Белград, 1998. С. 271–274.
12. Ирмакова Ж.З. Фразеологические единицы библейского происхождения в языковой системе // 2008 с.118-121
13. Кабакчи, В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – М.: Союз, 2001.
14. Каминская Е.В. Фразеология библейского происхождения во французском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.
15. Каплуненко А. М. Историко-функциональный аспект английской идиоматики. Ташкент, 1991. 126 с.
16. Карпенко Е. И. Лингвокультурные коннотации библеизмов в художественном тексте (на материале немецкого языка) // Вестник МГЛУ. 2010. №583.
17. Климович Н.В. Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте // Вестник ТГПУ. 2013. №10 (138).
18. Климович Н.В. Библеизмы в художественном тексте: типологический, функциональный и переводческий аспекты: автореферат, 2011. — 16 с.

19. Колесов В.В. Библизмы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 110–111.
20. Кузьмина Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 4-7 апреля 2001 г.) / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; ред.-сост.: В. П. Григорьев, Н.А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2001. С. 97-111.
21. Малкерова М.А. О понятии «ложный библизм» (на материале английского языка) // Фундаментальная наука ВУЗам №1. 2013 – С. 303-308.
22. Мжельская О.К. Актуальные проблемы перевода // Омский научный вестник. – 2007. - №2. – С.151-152.
23. Назарова И.П. Библизмы в национальной и социокультурной картинах мира // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 3. – С. 96-97.
24. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов С. 22-129.
25. Семенова, Е.С. Библизм как средство речевого воздействия Текст.: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Семенова. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2003. - 19 с.
26. Сергеева, Е.В. Особенности употребления библизмов в русской поэзии XX // Лингвистические параметры художественного текста. – Оренбург, 2010. – С. 54–65.
27. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
28. Эткинд Е. Поэзия и перевод. М.: Советский писатель, 1963. – 431 с.
29. Якимов П.А. О сущности понятия «религиозная лексика в современной лингвистике» // Вестник ОГУ №11 (130)/2011.

Словари:

1. Дубровина, К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов , 2010. - 808 с.
2. Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник. СПб.: Светлячок, 1998. 448 с.
3. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.

Художественная литература:

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание – Л., 1974.
2. Fiodor Dostoïevski (trad. du russe par D. Ergaz, préf. Pierre Pascal), Crime et Châtiment, Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade », 1950.
3. Fiodor Dostoïevski (trad. du russe par L. Brodovikoff), Crime et Châtiment. - Gerard & C°, Verviers (Belgique), 1968.
4. Библия 1900 – Библия сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами. Тиснение второе. – СПб.:Синодальная типография, 1900.